

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 159.9

ГОТОВНОСТЬ И ЕЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ

© *Римма Дугаровна Санжаева*, доктор психологических наук,
профессор кафедры возрастной и педагогической психологии
социально-психологического факультета Бурятского государственного университета
E-mail: rimmasan24@mail.ru

Статья посвящена проблеме готовности как метакатегории современной постнеклассической психологии, рассматриваются виды, структура и психологические механизмы готовности личности к деятельности

Ключевые слова: личность, готовность, деятельность, структура, психологический механизм, идентификация, локус контроля, динамическое равновесие.

Методологически готовность к деятельности становится одной из центральных категорий, объясняющей и описывающей внутреннюю психическую реальность, связующим звеном между «психическим состоянием» и «психическим процессом». Понятие имеет историю своего развития в психологии.

Несмотря на большое количество работ по проблемам психологической готовности, исторически это понятие исследовалось в основном как готовность к действию, т. е. как оперативная готовность, настроенность на выполнение того или иного действия, например, готовность спортсмена к конкретному состязанию. Понятие же психологической готовности к деятельности имеет несколько иное содержание и целенаправленно изучается относительно недавно.

В психологическом словаре готовность трактуется как установка, направленная на выполнение того или иного действия. Эта установка предполагает наличие определенных знаний, умений, навыков; готовность к противодействию возникающим в процессе выполнения действия препятствиям; приписывание какого-либо личностного смысла выполняемому действию. К наиболее раннему пониманию психологической готовности к деятельности можно отнести подходы, авторы которых рассматривают готовность как состояние оперативной настройки на предстоящую деятельность. Например, А. А. Ухтомский понимал готовность как «оперативный покой», механизм которого опирается на подвижность нервных процессов, которые обеспечивают переход от оперативного покоя к срочному действию. В. Н. Пушкин и Л. С. Нерсесян понимают готовность как бдительность, как особое эмоционально-волевое состояние. Н. Д. Левитов понимает готовность как состояние, которое зависит от индивидуальных особенностей личности, типа высшей нервной деятельности и условий, в которых протекает деятельность. Готовность понималась автором как целостная характеристика психи-

ческой деятельности за определенный период времени, отражающая своеобразие протекания психических процессов в зависимости от отражаемых предметов и явлений действительности, предшествующего состояния и психических свойств личности. Н. Д. Левитов подчеркивает, что психическое состояние связано с психическими процессами и с индивидуальными особенностями личности. Психические состояния рассматриваются как переходный этап формирования личности, в этой связи выделяются состояния, имеющие тенденцию превращаться в черту характера и ситуативные психические состояния. Он разграничивает процессы и состояния, утверждая, что психические состояния — фон, на котором проходят психические процессы. Психические состояния Н. Д. Левитов предлагает классифицировать по ряду признаков: личностные и ситуативные, состояния глубокие и поверхностные, продолжительные и кратковременные, состояния более или менее осознанные. Наряду с познавательными, эмоциональными и волевыми состояниями автор выделяет психические состояния человека, отражающие его готовность к практической деятельности. Н. Д. Левитов различает длительную готовность, например, способного и образованного специалиста своей области и временное состояние готовности. Относя последнее к «предстартовым состояниям», он говорит о трех видах такой готовности: обычном, не выделяющимся в положительную или отрицательную сторону, повышенном и пониженном состоянии готовности к работе.

Н. Д. Левитов пишет: «Готовность может быть рассмотрена как пригодность или непригодность человека к исполнению данной работы, как наличие или недостаток у него необходимых для данной работы способностей» [4, с. 221].

Фундаментальные исследования психологической готовности проводились в космической (Е. А. Лебедев), авиационной (В. Л. Марищук, Б. Л. Покровский), инженерной психологии (М. И. Дьяченко, В. А. Пономаренко). Были получены значительные экспериментальные данные, которые, при этом, не вполне применимы к пониманию психологической готовности к деятельности, поскольку разрабатывались проблемы оперативной готовности, настроенности на совершение отдельного действия, готовность понималась как некоторое активное состояние, необходимое для качественного исполнения своих обязанностей.

Иной вариант понимания психологической готовности предлагают некоторые исследователи других психологических понятий, объясняя психологическую готовность через другие, более изученные понятия, или вовсе отождествляя с ними. Так, В. А. Ядов понимает готовность как определенный уровень ценностных ориентаций, В. Н. Мясищев — как отношение к деятельности.

Д. Н. Узнадзе фактически приравнивает понятия установки и психологической готовности, понимая под установкой готовность к определенной форме реагирования. По Д. Н. Узнадзе, установка — это неосознаваемое состояние, которое предшествует той или иной деятельности и определяет ее осуществление. А. С. Прангишвили определяет установку как готовность к определенной форме реагирования. «Ни одна деятельность не начинается с пустого места». Проблему установки разрабатывал и Г. Олпорт: «Установка есть состояние психологической готовности, складывающейся на основе опыта и оказывающей направляющее и динамическое влияние на реакции индивида относительно всех объектов или ситуаций, с которыми он связан».

И. В. Дубровина, изучая профессиональное и жизненное самоопределение старшеклассников, приходит к выводу, что психологическая готовность к самоопределению предполагает формирование у старшеклассников психологических механизмов, обеспечивающих им в дальнейшем сознательную, активную, творческую жизнь. Автор называет в их числе «устойчивые, сознательно выработанные представления о своих обязанностях и правах по отношению к обществу, формирование моральных принципов и убеждений, понимания долга, ответственности, умения анализировать жизненный опыт, наблюдать за явлениями действительности, давать им оценку и т. д.». Попытки объяснить психологическую готовность через другие понятия не случайны. Психологическая готовность — это комплексная, интегральная характеристика психологического содержания субъекта, поэтому точно определить ее границы весьма непросто. Вероятно, любое психологическое понятие отличается известной условностью своего содержания и границ, обозначая не конкретный предмет или явление, а лишь некоторую часть реальности, которую большинство изучающих ее специалистов договорились так называть. Одним из важнейших таких понятий является психологический механизм.

Идея опережающей активности психики, хорошо объясняющая механизмы психологической готовности, обсуждалась разными авторами. А. Бинэ писал: «Умственная готовность кажется мне вполне подобной физической готовности; это — подготовка к акту, эскиз действия, оставшийся внутри нас и сознаваемый через субъективное ощущение, которое его сопровождает <...> Можно сказать с некоторым преувеличением, что вся психологическая жизнь зависит от остановки реальных движений, действительные действия заменяются тогда действиями в возможности, готовностями» [12, с. 63]. Г. Олпорт пишет, что установка — это физиологический агрегат или структура, которая представляет собой зарождающуюся стадию любого поведенческого акта, что во многом схоже с представлениями П. К. Анохина о «заготовленном комплексе возбуждений», возникающем до того, как оформился сам рефлекторный акт.

Наша парадигма, представленная исследованиями проблемы психологической готовности на протяжении достаточно долгого времени, построена на интеграции двух типов подходов — готовности как состояния и как качества личности. Большинство авторов придерживаются мнения, что готовность — это особое психическое состояние. Вместе с тем, существует определение готовности как устойчивой характеристики личности. Ее называют по-разному: подготовленностью, длительной или устойчивой готовностью. Она действует постоянно, ее не надо каждый раз формировать в связи с поставленной задачей. Будучи заблаговременно сформированной, эта готовность — существенная предпосылка успешной деятельности.

Рассматривая структуру психологической готовности, мы включаем в нее мотивационный, ориентационный, операциональный, волевой и оценочный компоненты. Каждая деятельность уникальна, поэтому структура психологической готовности к каждой конкретной деятельности должна изучаться специально и может быть специфичной не только по содержанию, но и по структуре входящих в нее компонентов. Мы пришли к выводу, что «совершенно очевидно наличие в динамической и целостной структуре психологической готовности «стержнево-

го», направляющего образования». Этим образованием мы выделили мотивационную готовность к предстоящей деятельности, обосновывая это тем, что «вне мотива и смысла невозможна ни одна деятельность, не реализуемы никакие, даже самые усвоенные знания и предельно сформированные умения». При этом мы предполагаем, что и самый «хороший» мотив может быть не реализован по целому ряду психологических, социальных и иных обстоятельств. Это «в равной мере относится и к психологической готовности в целом, которая может быть заблокирована, например, неадекватным физическим состоянием (неготовностью) человека». Иными словами, готовность действительно может иметь место, но в конкретный момент времени не проявляться, т. е. быть заблокированной, делая подготовленного человека в данный момент не готовым к осуществлению деятельности. Необходимо говорить отдельно о подготовленности, как долговременной характеристике, и об оперативной готовности, как состоянии психологической мобилизации к выполнению деятельности. И это во многом зависит от психологических механизмов конкретной деятельности.

Впервые психологические механизмы были выделены в психоанализе З. Фрейда и его последователей, более тщательно были рассмотрены Анной Фрейд в книге «Психология «Я» и защитные механизмы» (1936). Эти десять способов защиты хорошо знакомы на практике и исчерпывающе описаны в теоретических работах по психоанализу (регрессия, вытеснение, формирование реакции, изоляция, уничтожение, проекция, интроекция, борьба Я с самим собой, обращение, сублимация), но вместе с тем, до последнего времени не было полного толкования самого понятия «психологический механизм».

В. Г. Агеев пишет: «Идея механизма, то есть некоторого, более элементарного уровня анализа, к которому не сводима специфика более высокого уровня, но который способен выполнить здесь функцию средства, всегда была заманчива для психологического исследования. Шла ли речь о наследственных, инстинктивных механизмах человеческого поведения или же о психофизиологических механизмах сенсорных процессов, самая возможность объяснить нечто сложное, неуловимое, ускользающее через нечто более простое, понятное, позволяющее себя зафиксировать, классифицировать, «квалифицировать» и т. д., естественно, казалась в высшей степени привлекательной и разумной. Можно приводить бесчисленное множество примеров подобного объяснения сложного через простое. Простое при этом чаще всего обозначалось термином «механизм», а сложное — тем содержательным феноменом, который получает объяснение, когда понятно действие механизма, лежащего в его основе».

В современной психологии это понятие достаточно интенсивно разрабатывается. Мы придерживаемся точки зрения В. Г. Леонтьева, что психологический механизм — это «система психических явлений, предназначенная для преобразования и формирования активности, выраженной одним или несколькими мотивами, в требуемую активность, выраженную другими мотивами. Следовательно, определение отражает регуляторную и формирующую сущность механизма, но сам механизм не следует отождествлять с самим источником активности или с самой-активностью».

В обобщенном виде В. Г. Леонтьев рассматривает мотивационный механизм как систему психофизиологических, психических и социальных предпосылок

мотивации как направленного побуждения человеческого поведения и деятельности. Все механизмы мотивации неоднородные, разноуровневые. Кроме того, они имеют разную степень обобщенности и конкретизации. Одни способны обеспечивать активность поведения только в одной какой-либо конкретной ситуации. Они обладают высокой избирательностью. Всякие изменения ситуации прекращают действие механизма. Другие — более обобщенные, способные обеспечивать активность поведения в различных условиях и ситуациях. Третьи имеют статус всеобщего механизма. Его действие просматривается практически во всех случаях поведения и деятельности человека. Такие механизмы В. Г. Леонтьев называет исходными, генерализованными. Анализ большого экспериментального материала позволил ему выявить несколько типов психологических механизмов мотивации, которые проявляются в различных конкретных условиях. Эти механизмы отличаются разной степенью обобщенности и специфичностью действия. Среди них мы выделили и использовали в своей работе механизм динамического равновесия.

Н. А. Бернштейн, разрабатывая проблему физиологии активности, главным звеном которой он признавал модель потребного будущего, считал, что организму присуща активность, а не реактивность. «Процесс жизни, — писал он, — есть не «уравновешивание с окружающей средой», как понимали мыслители периода классического механицизма, а преодоление этой среды, направленное при этом не на сохранение статуса или гомеостаза, а на движение в направлении родовой программы развития и самообеспечения» [1, с. 314].

В системе психологических механизмов мотивации В. Г. Леонтьев выделяет адаптационный механизм, непосредственно связанный с идентификацией и с механизмами динамического равновесия.

Важно подчеркнуть, что действие любого механизма основывается на том или ином принципе, выражающем сущность механизма и его основные характеристики. Например, О. А. Конопкин на основе принципа единства сознания и деятельности выделяет ряд механизмов регуляции деятельности. К ним относятся звенья психологической структуры саморегулирования: принятая субъектом цель, субъективная модель значимых условий деятельности, программа исполнительских действий, критерии успеха, информация о результате, решение о коррекциях. Все эти механизмы относятся к уровню сознательного регулирования как высшему уровню саморегуляции. В этом же направлении ведут разработку механизмов регуляции В. В. Карпов, В. И. Степанский и др.

В системе психологических механизмов регуляции деятельности, саморегуляции важное место занимают механизмы волевой регуляции (Селиванов В. И., Иванников В. А. и др.). А. Ф. Лазурский считал механизмом преодоления препятствий волевое усилие как особый психофизиологический процесс, связанный с реакцией личности на ситуацию вне и внутри нее. В. И. Селиванов считает волевое усилие механизмом создания побуждения для преодоления препятствий. Н. Н. Ланге пытался найти физиологические механизмы волевых действий, выделяя в волевом акте четыре части: 1) чувство, потребность, т. е. стремление; 2) предсказание о цели; 3) представление о движении, 4) само движение. В. А. Иванников, исследуя психологические механизмы волевой регуляции действия, выделяет реальный механизм, реальное образование, которое обеспечива-

ет побуждение к действию, — смысл действия. Он формируется в совместной деятельности людей и определяется не только мотивами каждого человека, но и социальной связью действий разных людей. Необходимость волевой регуляции трудовых действий отмечал видный философ Э. В. Ильенков, связывая ее с отсутствием личностного смысла процесса труда и его продукта. Это утверждение соответствует положению теории деятельности, созданной А. Н. Леонтьевым, что личностный смысл есть частный случай смысловых образований, создающиеся при соотношении отдельных действий, поведения, ситуаций, отдельных мотивов с более общими образованиями (действий с мотивами, мотивов с более общими мотивами и их системой, с общим контекстом жизни человека и всего "человечества).

Изменение смысла действия приводит к изменению поведения. Изменения смысла действия можно достичь разными путями: через переоценку значимости мотива или предмета потребности, через предвидение и переживание последствий действия или отказа от его осуществления, через изменение роли, позиций человека. С точки зрения задач нашего исследования, мы выделяем еще один путь изменения смысла действий, который состоит в самостоятельном обращении к внешним символам, напоминающим о последствиях действий, к ритуалам, укрепляющим значимость совершаемых действий, в обращении к другим людям или божеству за поддержкой. Помимо изменения смысла действий через изменение реальной ситуации, этой цели можно достичь и через привлечение целей и мотивов из воображаемой ситуации, которая может быть задана другими людьми или исходить от самого человека.

Готовность к решению определенной задачи задается актуальной потребностью или социальной необходимостью, и в случае наличия нескольких реакций с одинаковым смыслом создается возможность их взаимозаменяемости и произвольного использования. Такое переключение, по мнению Л. С. Выготского, первоначально осуществляется другим человеком через внешние сигналы, так что поведение осуществляется как бы двумя людьми; один обеспечивает побуждение через сигналы, второй выполняет действие, если, конечно, к этому имеется мотив. В развитой форме действие начинается по самокоманде.

Важным является вопрос определения психологических механизмов, которые способствуют переформированию личности. В качестве основного механизма в психологической литературе совершенно верно выделяется обратная связь или конфронтация личности со своим «Я»; информация о себе в восприятии других; понимание и принятие других; открытое выражение своих чувств и эмоций, осознание потребности в коммуникации и степень удовлетворенности ею. Очевидно, что в самоотчетах лиц, просматривается, прежде всего, стремление к адекватности самопонимания и повышению ценности своего «Я». Каждый механизм качественно специфичен, то есть привлекается для объяснения строго определенных характеристик или закономерностей социального восприятия. Одни из них актуализируются в достаточно широком диапазоне социальных ситуаций, относятся к широкому классу социальных объектов, спектр действия других более ограничен.

Для нашего исследования таковыми являются психологические механизмы локуса контроля, идентификации и механизм динамического равновесия. Эти

механизмы отличаются разной степенью обобщенности и специфичностью действия.

Появление понятия «локус контроля» (лат. *lokus* — место, местоположение) связано с работами американского психолога Дж. Роттера, который предложил различать между собой людей в соответствии с тем, где они локализуют контроль над значимыми для себя сообщениями. Существуют известные два типа такой локализации, или локуса контроля: интернальный и экстернальный. В первом случае человек считает, что происходящие с ним события, прежде всего, зависят от его личностных качеств, таких, как компетентность, целеустремленность, уровень способностей, и являются закономерным результатом собственной деятельности. Во втором случае человек убежден, что его успехи или неудачи являются результатом таких внешних сил, как везение, случайность, давление окружения, другие люди и т. п. Любой индивид занимает определенную позицию на континууме, задаваемом этими полярными типами локуса контроля. Дж. Роттер вывел локус контроля из своей «теории социального научения», которая рассматривает в качестве основных детерминант поведения психологическую ситуацию, антиципацию, ценность подкрепления и ожидания того, что данное подкрепление будет иметь место в данной ситуации. Система обобщенных ожиданий формируется в результате прошлого опыта. Но поведение детерминировано не всяким подкреплением, а лишь таким, которое имеет ценность для индивида в конкретной психологической ситуации [8].

В трудовой деятельности интерналы больше, чем экстерналы, убеждены, что усердная работа вероятнее всего ведет к высокой продуктивности, которая способствует получению высокого «вознаграждения» Их общая удовлетворенность трудом значительно выше, чем у экстерналов. Стиль руководства — экстерналов более директивна и чаще основывается на негативных санкциях. Есть данные, что интерналы более успешнее в учебе как в средней, так и в высшей школе. В нашем исследовании выявлены многие личностные корреляты локуса контроля в экспериментальной группе психологов и в контрольной группе священнослужителей. Их интернальность положительно связана с ответственностью, с осознанием человеком смысла, целей жизни, с толерантностью, самоконтролем, принятием своего «я», с достижением чего-либо путем согласия.

Ведение в психологию понятия локуса контроля стимулировало огромное количество исследований этого феномена, поток которых продолжает нарастать и в настоящее время. В отечественной психологии следует выделить работу К. Муздыбаева «Психология ответственности» (1983), в которой эта проблема рассмотрена наиболее широко. К. Муздыбаев справедливо указывает, что проблема локуса контроля впервые поставлена не Дж. Роттером, что она издавна изучается под разными названиями в философии, социологии и психологии при рассмотрении понятий судьбы и свободы воли. Идея предначертанности судьбы особенно культивировалась на Востоке через учение о карме: «...все первоначально предопределено судьбой, ничего нельзя и прибавить. Бедность и богатство, награда и наказание, счастье и несчастье имеют свой источник, который сила человеческой мудрости не может создать» [Мо-цзы]. Сопоставление локуса контроля у многих исследователей связано с противопоставлением Востока и Запада. При этом выдвигается гипотеза: западная культура внушает человеку уверен-

ность в своей силе, восточная же культура, стремится внушить людям веру в судьбу, в предопределенность будущего (карма). К тому же в восточной культуре доминируют сильные традиции, делающие человека зависимым от субгруппы.

Важная роль в формировании локуса контроля принадлежит религии. Р. Причард, Дж. Рассел считают, что приверженность к протестантской религии негативно связана с экстернальностью, поскольку эта религия в большей мере возлагает ответственность за судьбу на самого человека. Жан-Жак Руссо в свое время отмечал: «Протестанты обычно более образованны, чем католики. Это и понятно: учение первых требует обсуждения, ученые вторых — подчинения. Католик должен подчиняться решениям, которые ему сообщают, протестант должен научиться решать сам». В этой сфере жизни человека сильно воздействие психологического механизма идентификации, который относится к стихийным механизмам формирования личности [Ю. Б. Гиппенрейтер]. Субъект, подвергаясь их действию, в полной мере не осознает их и сознательно ими не управляет. Они доминируют в детстве до подросткового возраста, хотя затем также продолжают участвовать в развитии личности вместе с сознательными формами «самопостроения». Большая роль в передаче «личностного» опыта принадлежит личному примеру, «заражению», подражанию.

На более поздних возрастных стадиях чрезвычайно расширяется круг лиц, из которых выбирается образец — объект идентификации. Им может стать предводитель компании, учитель, знакомый взрослый, литературный герой, известный современник, священнослужитель.

Анализ субъективных отчетов, наблюдений, специальные исследования показывают, что принятие личностного эталона или образа имеет важную психологическую функцию. Оно облегчает вхождение ребенка, подростка, молодого человека в новую социальную позицию, усвоение новых отношений, образование новых личностных структур.

Идентификация, как отмечается в ряде работ (Асмолов А. Г., Басина Е. З., Орлов Ю. М., Поршнев Б. Ф., Петренко В. Ф. и др.), является важным психологическим механизмом развития и формирования личности и ее мотивационной сферы. Человек может отождествлять себя не только с другим человеком, но и с идеалами, образцами, с общественными ценностями, со своими стремлениями, целями. На основе механизма идентификации происходит перевоплощение одного человека в другого, носителя привлекательных черт, свойств, направленности деятельности [9].

Необходимым условием для проявления механизма идентификации можно считать коллективное, групповое и индивидуальное взаимодействие, общение людей, их коммуникацию и отношение. Таким образом, в механизме идентификации нетрудно увидеть звенья исходного механизма динамического равновесия. Эти механизмы тесно взаимосвязаны, поскольку уподобление, подражание в действительности есть не что иное, как уравнивание, достижение равного положения одного человека по отношению к другому человеку, выступающему в качестве образца, носителя привлекательных черт и свойств.

Понятие «личностная идентичность» — составляющая механизма идентификации. В западной культуре свобода самовыражения и выбора традиционно ассоциируется с проблемой личностной идентичности, поэтому американский фи-

лософ и психолог У. Джеймс выразил представление о личностной идентичности как о последовательности, непротиворечивости личности (1991). Традиционно появление термина «идентичность» в психологии связано с именем Э. Эриксона, который определил идентичность как внутреннюю непрерывность и тождественность личности.

Механизм идентификации является основным психологическим механизмом в восточной традиционной культуре при обучении в системе «учитель-ученик», что нашло отражение в концепции учителя в школе «Йога ламы». Основные положения концепции изложены в сочинении Цзонкхавы (1357–1419) «Лам-рин чен-по». Йога ламы имеет два уровня практического претворения. В узком значении она подразумевала усиленную форму почитания духовного учителя вплоть до созерцания его как божества или Будды и являлась обязательной частью в школьных программах и обрядовых действиях. В широком смысле йога ламы как государственная идеология теократической монархии применялась для воспитания культа духовенства. Раздел «Лам-рим чен-по», посвященный Йоге ламы, состоит из шести глав. Наибольшую психологическую нагрузку несет глава «Правила почитания учителя». Цель йоги ламы как предмета в программе воспитания мирян специфична. Она состояла в воспитании особого положительного социально-психологического стереотипа восприятия духовного лица, выражающегося в поведении человека, в его деятельности практического и интеллектуального характера, в овладении техникой созерцательных упражнений [7].

Механизм динамического равновесия как базовый, генерализованный для других мотивационных механизмов, для формирования готовности к деятельности был разработан В.Г. Леонтьевым, его Новосибирской научной школой.

Проведенные специальные наблюдения и анализ организменных, например, обменных процессов показали, что неуравновешенность в какой-либо системе всегда возникает вслед за достижением равновесия в другой, связанной с ней системой. Уравновешенность как бы порождает неуравновешенность. Эта закономерность наблюдается и на уровне организма, и на уровне личности, на уровне системы «человек — среда» и т. д. Равновесие представляет собой динамический процесс уравнивания. Отсюда так называемая спонтанность активности вполне имеет материальную причину. Она заключена во взаимодействии систем на основе их взаимного уравнивания. Возникающая причинно-следственная цепочка (причина порождает следствие, которое само становится причиной другого следствия) является в конечном итоге источником побуждения, энергетическим элементом готовности. Именно поэтому такой механизм и был назван механизмом динамического равновесия, и он соответствует ведущему понятию в буддизме о «срединном пути» [7].

Такой диалектический подход в понимании готовности и ее механизмов становится все более распространенным в отечественной и зарубежной психологии. Теория английских психологов М. Аптера и К. Смита устанавливает связь между уровнем активации субъекта и его гедонистическим тонусом. Согласно этой теории, в нервной системе человека действуют две альтернативные системы, управляющие его активацией. Одна такая система способствует избеганию активации: при ее действии субъект испытывает наиболее приятное состояние, когда активация минимальна, а наименее приятное — при ее максимальной величине. Вто-

рая такая система направлена, напротив, на поиск активации. Когда она действует, то наиболее приятное состояние возникает при максимальной активации (радостном или «боевом» возбуждении), а наименее приятное — при минимальной активации (расслаблении). Свои идеи М. Аптер и К. Смит сформулировали в теории реверса активности, согласно которой по ходу выполнения профессиональной деятельности возможны переключения организма с одной системы регуляции на другую. На базе этого источника формируется и проявляется целый ряд других психологических механизмов в современных исследованиях готовности [6, 10, 11, 12 и др.].

О. М. Краснорядцева считает, что проблему психологической готовности можно целиком свести к мотивационной готовности, поскольку «под психологической готовностью традиционно понимают психический феномен, посредством которого объясняют устойчивость деятельности человека в полимотивированном пространстве». Это представление явилось методологией одной из последних, интересных диссертационных исследований Чучаловой О. В. «Мотивационная готовность к самореализации интеллектуальных способностей», ученицы В. Е. Ключко, О. М. Краснорядцевой, успешно защищенной в НИ «Томский государственный университет» в 2016 году, где мне пришлось выступить оппонентом. Мотивационная готовность человека к самореализации своих возможностей рассматривается автором как «эмерджентное свойство», или как «общесистемное качество», релевантное целостному человеку. Мотивационная готовность — это готовность действующей личности к трансформации деятельности, изменению мотивов, как определяющих деятельность при встрече со значимой информацией, способной повлиять на такую трансформацию. Такой подход к изучению мотивационной готовности позволяет рассматривать её не как результат, а как процессуально — динамическое явление.

Рассматривается эволюция взглядов на феномен самореализации от религиозно-философских учений до постнеклассической психологии. Анализируются первые попытки изучения феномена самореализации и выработки путей и стратегий развития человека (древние восточные религиозно-философские учения, такие как буддизм, йога, даосизм и др.).

Модальность открытости человека в мир обуславливается следующими личностными детерминантами: локус контроля, уровень притязаний, мотивационная составляющая. Локус контроля вошел и в тренинговую программу, разработанную автором по модульному принципу: Модуль 2. «Формирование интернального локус-контроля». Несомненной удачей данной работы является разработка автором нового психологического механизма «синхроничность» в качестве не только опосредствующего, но определяющего фактора по отношению к модальности мотивационной готовности. К. Юнг использовал понятие «синхроничность», говоря о совпадении во времени двух или более причинно не связанных между собой событий. Думается, что именно этот контекст пытается удержать О. Н. Чучалова, говоря о синхроничности таких факторов, как открытость человека в мир, опыт самореализации, средовые условия, особенности личности, уровень развития интеллектуальных способностей: они не связаны между собой причинными связями. Автором были выделены варианты синхроничности мотивационной готовности к самореализации интеллектуальных способностей: пози-

тивная, выраженная, частичная, частичная десинхроничность, синхроничность, отражающая низкий уровень развития показателей [12].

Согласно взглядам Б. Ф. Ломова [5], представление об установке, как упорядоченном единстве всех биологических и психологических функций, дает возможность оценивать готовность, как многомерную, многокомпонентную и многоуровневую систему, объединяемую в единство общим системообразующим фактором, поиски которого продолжаются.

Литература

1. Бернштейн Н. А. Биомеханика и физиология движений / под ред. Д. И. Фельдштейна. — М.: МПСИ, Воронеж: НПО «МОДЭК», 1997. — 484 с.
2. Н. А. Бернштейн в Бурятии / С. В. Калмыков, А. В. Гаськов, Г. Я. Галимов. — Улан-Удэ: Изд-во Бурятского государственного университета, 2002. — 48 с.
3. Дьяченко М. И., Кандыбович Л. А. Психологическая готовность человека к деятельности. — Минск, 1976. — 212 с.
4. Левитов Н. Д. О психических состояниях человека. — М.: Просвещение, 1964. — 264 с.
5. Ломов Б. Ф. Системность в психологии / под ред. Д. И. Фельдштейна. — М.: МПСИ, Воронеж: НПО «МОДЭК», 1996. — 294 с.
6. Миронова А. С. Карьерная готовность выпускника вуза: дис. ... канд. психол. наук. — Хабаровск: ДВГУПС, 2007. — 164 с.
7. Санжаева Р. Д. Психологические механизмы готовности человека к деятельности. — Улан-Удэ: Изд-во Бурятского государственного университета, 1997. — 178 с.
8. Санжаева Р. Д. Психология безопасности и готовность личности к деятельности на железнодорожном транспорте. — Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2005. — 110 с.
9. Санжаева Р. Д. Психологическая готовность личности к деятельности как метакатегория // Образование. Личность. Общество. — 2012, №1. — С. 127–140.
10. Сизикова Н. В. Смысловой компонент психологической готовности к спортивной деятельности: дис. ... канд. психол. наук. — Кемерово, 2008. — 182 с.
11. Чимбеева С. В., Санжаева Р. Д. Структурно-содержательные характеристики компонентов психологической готовности юношества к семейным отношениям // Психологическая адаптация и психологическое здоровье человека в осложненных условиях жизненной среды: материалы II Всероссийской науч.-практ. конф. — М.: ЛЕНАНД, 2013. — С. 459–467.
12. Чучалова О. В. Мотивационная готовность к самореализации интеллектуальных способностей: автореф. дис. ... канд. психол. наук. — Томск, 2015. — 23 с.

READINESS AND ITS PSYCHOLOGICAL MECHANISMS

Sanzhayeva Rimma D., doctor of psychological sciences, professor,
professor of department of age and pedagogical psychology social and psychological
faculty of the Buryat state university
E-mail: rimmasan24@mail.ru

Article is devoted to a readiness problem as metacategory of modern post-nonclassical psychology, types, structure and psychological mechanisms of readiness of the personality for activity are considered.

Keywords: personality, readiness, activity, structure, psychological mechanism, identification, control locus, dynamic balance.